- Ну вот, мы почти дошли, - выдохнул выделяющийся из всей людской массы своими одеждами воин, стаскивая черный капюшон с головы и крестясь, глядя в небо: - Слава богу, дошли.

- Дошли? – переспросила идущая рядом женщина, не смотря на внешность, пригибающаяся подобно возрастному человеку.

- Дошли, - воин кивнул, после чего обернулся и крикнул: - Дошли-и-и!

Несколько десятков людей заликовали от радостной новости и прибавили шаг, хотя серьезно устали, пытаясь уйти от погони. Другие, может быть, остановились и дали бы отпор, но не этой группе, в которой только воин оказался серьезным орешком для преследователей, остальные едва добрались до десятых уровней.

- Дядя Емеля, - всегда жизнерадостная девчушка подбежала к воину: - Уже дошли? А где город?

- До города еще идти, мы дошли до земель, где начинаются новые границы. Дальше будет проще.

- А эти твари больше не будут нас преследовать?

- Не будут, - воин улыбнулся, подняв взгляд, всматриваясь в заросли лесов и кустарников, оставшихся позади: - Не будут, дальше им хода нет. Не бойся.

- А я и не боюсь, - девчушка ожила: - С вами, дядя Емеля, бояться нечего, они вон как даже подойти боятся.

- Это потому, что знают, я им не по зубам, - Емеля улыбнулся, поправляя растрепавшиеся рукава, не защищенные легкой кольчугой: - Куда им против боговерца-то?

- А я тоже хочу быть боговерцем! – заявила девчушка.

- Катенька, станешь, если веру в бога в себя впустишь, - Емеля погладил девочку по голове.

- А в какого бога ты веришь?

- В нашего.

- А какой бог наш?

- Наш бог во всем, он везде, в каждом из нас, вот я в это и верую.

- Наш бог, - женщина включилась в разговор: - На небесах, Катенька, он Всевышний.

- Нюра Геннадьевна, у каждого из нас свой бог, главное, чтобы мы в него веровали, тогда никто нам не будет страшен и твари темные на нас не нападут.

- А эти нападут? – Катя указала рукой в сторону.

- Эти? – Емеля посмотрел в сторону, куда указывала девочка: - Эти могут напасть, если мы подойдем к ним, но подходить не будем. А сами они не полезут, хотя и агрессивные, но только в пределах своей территории.

- Понятно. А долго еще идти?

- Не знаю, может день, осилишь?

- Конечно, у меня еще много сил! – звонко выкрикнула Катя и побежала вперед, распугивая выскакивающих из травы кузнечиков.

- Далеко не отбегай! – баба Нюра крикнула вдогонку: - Радость моя ненаглядная, все смотрю и не могу поверить, что живая такая.

- Не плачьте, - Нюра Геннадьевна, вот скоро дойдем до города, там возьмем браслеты, и все наладится.

- Сколько тебе говорить, зови меня бабой Нюрой, мне так привычнее, не люблю я, когда меня по отчеству.

- Извините, привычка у меня такая, родители так воспитали, что, если человек старше меня, то надо по имени и отчеству обращаться.

- Хорошему тебя родители воспитали. Ох, Емелюшка, не знаю, сколько еще проживу, страшно внученьку бросать одну. Как подумаю, что она без меня одна-одинешенька останется.

- А вы не думайте, все будет хорошо, да и я не брошу, девчушка задорная, вместе веселее.

- Ох, спасибо тебе, Емелюшка, сразу на душе легче стало.

- Да вы не переживайте, вот дойдем до Новограда, возьмем по браслету, да и перенесемся сюда навсегда, и заживем.

- Ты думаешь, что браслеты эти действительно работают? Не обманывают с ними, требуя

денег?

- Уверен, повсюду куча роликов уже и много людей пишут, что их перенесло, да и не надо за них ничего платить, главное желать и верить.

- Ой, дай бог, чтобы было правдой.

- Ну что отстали? – выкрикнул Емеля, обращаясь к растянувшейся колонне: - Народ, осталось совсем малость!

Люди брели следом уже несколько дней, все со схожими судьбами и пришедшие в игру за одним и тем же, но мало кто из них разбирался в играх и имел такой опыт, поэтому они не могли самостоятельно добраться до нужного места, а попытки узнать дорогу у опытных игроков вызывали лишь насмешки и оскорбления.

Емеля, очередной раз зайдя после похода с группой в подземелье в Аркону, удивился большому наплыву новичков, а когда узнал причину наплыва, судорожно полез в поисках информации…. Через три дня уже не были важны ни членство в клане, ни группа для походов, привычная реальность бытия надломилась, и он решил, что это именно то, о чем он постоянно молил бога, хотя и не только об этом. Бывало, в моменты сильного отчаяния он молил о смерти, но даже совершить самоубийство не мог, и вот, теперь появился шанс все изменить.

Он видел, как низкоуровневые персонажи пытались добираться, точнее, просто выходили из города и, доходя до определенных агрозон, погибали, возвращаясь в столицу, и тогда он для себя решил, что хоть кому-нибудь поможет. И вот теперь вслед за ним шли пара десятков, хотя их было чуть больше, но не все выдерживали перехода, кто-то решал отделиться и идти самостоятельно, были и те, кто попросту пытался обмануть. Счетчик убийств игроков у Емели давно был двузначным, так что несколько очередных зарубок не делали погоды, а вот мороки сразу убавлялось.

- Красиво тут, - баба Нюра вздохнула, глядя по сторонам.

- Это да, места красивые, - согласился Емеля, глядя по сторонам не просто ради любования пейзажами: - Скоро стемнеет, надо бы приготовить лагерь. Да и людям надо бы отдохнуть.

- Отдохнуть не мешает, хоть и прошли столько-то, а боли и усталости совсем не чувствую, - баба Нюра улыбнулась: - А в настоящей жизни хватало только спуститься к лавке у подъезда, и хоть в гроб клади. Да и когда погода совсем портилась, все кости ломило, а здесь как молодая.

- А почему как? Ваша молодость в вас такая, что многим молодым фору давать смело можете. Вон помоложе, а еле держатся.

- Емельян, окстись ты, нашел с кем сравнивать, я в свои восемьдесят два сама хожу, а тут, куда

не глянь, последние пять лет точно не ходили без чьей-нибудь помощи.

- Это да, я еще больше, - лицо Емели помрачнело.

- Ой, да не кручинься ты, вон какой богатырь, дай бог, все наладится. Уж лучше укажи, где ночевать будем, а то люди и вправду уже из последних сил держатся.

- Да вон там, - Емеля указал на пологий склон, спускающийся к журчащему ручейку: - Там и заночуем.

Дойдя до места, многие попадали в траву, облегченно растягиваясь, но никто не жаловался, напротив, многие шли со счастливыми лицами, впервые за долгое время получившие возможность ощутить себя в здоровом теле и радоваться каждому мгновению пребывания среди чистой природы.

Из них только Емельян имел игровой опыт с полным погружением, остальные либо в силу возраста, либо немощности до последнего времени не подозревали о подобных мирах, иначе давно бы уже обитали в где-нибудь. Странное, получается, дело: многомилионная рекламная компания привлекла меньше людей за длительный срок, нежели одна единственная новость, причем, оказавшаяся полностью реальной и не продуктом корпорации разработчика. Но об этом сейчас на привале никто не думал.

Несколько человек взялись за удочки, принявшись рыбачить, женщины таскали воду, намереваясь приготовить ужин, крепкий мужичок в компании тощего подростка удалились к пролеску с целью набрать дров на костер. А Катя, усевшись на краю полянки, плела из разноцветов венок.

Емельян сел на взгорке, чтобы виделись прилегающие берег и луг, дабы контролировать обстановку. Хотя и отдалились дровники, за них боговерец не опасался, опираясь на одно из умений своего подкласса храмовника, определяющего любые темные помыслы как у разумных, так и неразумных существ. И эти самые помыслы сейчас были сосредоточены в той стороне, откуда пришел он с людьми. Несколько десятков черных пятен мелькали на самой границе осветленных земель, но не преодолевали ту, будто бы что-то не пускало сюда.

Да и если прорвутся, то подойти вряд ли смогут, умение противостояния, создающее мощный защитный заслон, не позволит всем разом подступиться, а с одной или двумя тварями он уже справлялся, благо, уровень и развитые способности позволяли это сделать, не смотря на его не особо для храмовника и тем более опытного игрока оснастку. Для его подкласса, вышедшего из традиционного класса, опирающегося на тот или иной Пантеон богов, основную силу дают как раз не предметы, как у обычных боевых классов. Для Емели вся сила заключена в вере, а веры у него с последнего времени предостаточно.

Нет, она и раньше была, он ведь крещенный, да и бабушка его была набожная, хотя раньше в советское время религия не была популярна, как после развала СССР. Но и ему прививали, мол, все от Бога и лишь Ему ведомо. А он верил, ребенком был и верил, а как подрос, стал

веровать, потому как так жить, оказалось, проще. Даже когда заболел, ходил в церквь, ставил свечки и молился, ведь если Он послал недуг на него, значит, хочет проверить его веру, и поэтому надо веровать, ибо на все Воля Господня.

И когда в игре оказался, выбрал для себя специализацию храмовника, потому как иначе уже не мог жить, пусть и полностью парализованный, но Бог даровал ему ум, и лишь поэтому будучи недееспособным, Емельян смог получить три диплома о высшем образовании, причем, все были красными с отличием, но кому это надо было? Он, само собой, оказался не востребован, хотя и был лучшим не только на курсе заочного обучения, но и очного, войдя в сотню самых одаренных выпускников. Но жизнь не переменилась, а получать четвертое образование уже не хотелось, разве что, фриланс позволил стать более-менее самодостаточным и жить не только на пенсию от государства, от чего-то считавшего, что полностью парализованному человеку хватит двадцати тысяч. Хватало, но только на оплату счетов по коммуналке и продукты, а вот оплату аренды медицинского оборудования и помощи сиделки нет, слава Богу, фрилансом он зарабатывал недостающих сумм.

Когда впервые пошла информация о виртуальном погружении, Емельян зацепился за идею, принявшись жадно поглощать любую получаемую информацию. Ведь он понимал, что это могло дать, до последнего надеясь о том, что рассказанное во многих фантастических фильмах и книгах окажется хотя бы не точь-в-точь, но очень приближенным по выходу проекта. Он даже записался в бетатестеры во всех проектах, что были анонсированы, и само собой, указал свое текущее состояние, а также образования и прочие знания, в том числе и ссылку на его сайт по фрилансу со всеми портфолио. Тогда Емеля не знал, на что надеялся, но отчего-то решил, что эта информация ему поможет попасть в первые ряды.

В первую волну он не попал, как и во вторую, а вот потом с ним связались, предложив индивидуальную программу тестирования. Он, конечно же, подписался, и был рад, когда специалисты, присланные корпорацией, установили в его квартире модуль и специальную лебедку, управляемую с помощью приложения, установленного на его компьютере, которым он управлял с помощью шлема мозгового сопряжения первого поколения. Емельян не играл, а стал тем, кто тестировал все наработки по сопряжению оператора с системой, с помощью его и других таких же тестеров разрабатывалась расширенная система управления, итогом которой стала текущая игровая механика, полностью убравшая необходимость клацания и кликания по интерфейсным кнопкам. За свою работу Емельян получил оборудование, и годовую подписку со скидкой. В принципе, это было вполне очень даже, иначе парализованный инвалид никогда бы не смог заработать на оборудование, и ему пришлось бы в лучшем случае переехать в пансионат для недееспособных, где, судя по сарафанному радио, больных и немощных сажали в капсулы, принуждая батрачить на контору, забирающую львиную долю доходов якобы с целью содержания постояльцев. Схема давно отработанная на государственном уровне и себя зарекомендовавшая.

Однажды Емельян забрел в каменные карьеры, где работали тысячи рудокопов, точнее, он видел все со склона отвесной горы, на которую забирался по козьей тропе ради одного задания, и оттуда ему открылся вид на огороженную территорию, внутри которой скрывался глубокий карьер. Добыча шла активно, и рабочие ни на что не жаловались, не смотря на их длительную смену, а стоявшие сверху охранники больше походили на, как бы сказал классик, вертухаев, разве что форма была другая. Зелье орлиного зрения позволило рассмотреть все в мельчайших подробностях, так что Емеля был уверен на все сто, государственная

исправительная система перешла в виртуал, осваивая добывающие сферы или даже производственные, от чего на аукционах вдоволь различных ресурсов по не особо высокой цене.

- Емельян, - басовитый голос раздался слева: - Чего так задумался?

- Да просто, - Емеля ожил, обратив взор на подошедшего с большой охапкой хвороста Петра Семеновича, выбравшего ником именно свои имя и отчество.

- А-а-а, а я думал, спишь с открытыми глазами, - Петр улыбнулся: - У нас в армии ребята частенько засыпали, кто в наряде, кто на плацу и прямо с открытыми глазами.

- Как пендосы во Вьетнаме, чтобы не пропустить вьетконгов, - ухмыльнулся юнец с охапкой гораздо меньшего размера.

- Лешка, какие пендосы? Какой Вьетнам? Просто так ребята замудохивались, что сил не было, вот и спали везде, где получается.

- Так пендосы в фильмах…

- Это в фильмах, а то в жизни, неси лучше хворост быстрее, а то костер вон тухнет, - юнец понесся, а Петр, уложив хворост неподалеку, подошел и уселся рядом: - Хорошо тут, до сих пор не верю, что все настолько реально, и думаю, почему я раньше не забрался в эти модули треклятые?

- Многие так сейчас думают, очень многие.

- Это да, - Петр улыбнулся, пристально смотря на свою правую растопыренную руку: - До сих пор не могу привыкнуть, что она есть, как раньше не мог привыкнуть, что ее нет.

- Ты про что?

- Да про руку свою, я ведь без нее там, - большой правый палец указал куда-то за плечо: - А здесь с ней родимой.

- Да, здесь все мы здоровые и не можем умереть.

- А там мы страна больных и убогих, армия забытых инвалидов. Знаешь, я, как потерял руку, не мог найти нормальную работу, да как и все, у кого хоть какая болячка. Даже пить начал, семью потерял, чуть совсем не спился, кое-как держался. А вот про это услышал, подумал, что если не попробую, то вскоре мне хана. Кое-как продал свою квартиру, в этот раз по трезвому, хотя, несколько раз чуть по пьянке не продал, и в пансион. А там сейчас вообще очереди из таких,

как мы, ну и вот оказался здесь…. И даже выпить не хочется, совсем, и здоровый, - Петр еле сдержал слезу.

- Страна больных и убогих, - произнес Емеля, глядя куда-то на горизонт.

- Она самая, Родина наша, хоть и Уродина. Помнишь эту песню?

- ДДТ вроде бы пело.

- Ага, под нее особливо напивался.

- А как же Лепс?

- Зеки пускай под него пьют, а мы из образованных людей, воспитанные Цоем, ДДТ и Наутилусом.

- А как же Машина Времени?

- Поваров не слушаю.

- А я еще Агату Кристи с Арией иногда гонял, ну и КиША, правда не особо много, но бывало.

- Да-а-а, раньше умели писать музыку, не точно сейчас тыц-тыц- снимай трусы-ц.

- Хм, а сейчас что ли есть музыка?

- Гы, неа.

- Вот и я про то же. Ну ладно, пошли, а то вон как ухой тянет.

- Ага, да и дровишек не помешает.

За неделю в пешком походе все сдружились, и каждые привал и ночевка проходили за бурной беседой. Люди смеялись, шутили, рассказывали что-то, наслаждаясь обществом и новой жизнью, пускай не настоящей, но такой живой. Даже, когда стало известно, что столица переместилась в Новоград, и при создании персонажа можно выбрать его местом появления, никто не ушел, точнее, вроде бы ушел кто-то, но большинство не заметило потерь, ведь именно это время испытаний позволило ощутить себя нужными друг другу. Все решили, что никто не будет пересоздавать персонажа, и пойдет с остальными до конца. И вот, вокруг костра сидела дружная компания, как будто бы знавшая друг друга долгие годы.

Ощущать себя нужным, быть частичкой чего-то целого, быть может, именно это никому ненужным людям и нужно было, поэтому все шли за ним, поверив еще тогда в городе, когда Емеля начал собирать всех желающих с собой до Новограда. Кто поверил, тот пошел, а он обещал лишь одно: пошедшие за ним доберутся до Новограда, не без мытарств и сложностей, но дойдут и не за сорок лет, но все же, пешком, так как телепортом туда очень дорого. Один из толпы спросил, сколько стоит телепорт, Емельян сказал, но взгляды были непонимающие, тогда он озвучил цену в долларах, и некоторые сразу поняли, что пешком дешевле. И эти некоторые сейчас сидели подле него, сияющие и радующиеся жизни.

Люди беззаботно беседовали, ужиная свежеприготовленной ухой, а Емельян, глядя на пламя костра, вслушивался в окружающий мир, и тот ему не нравился. Нарастающее давление мерзости протискивалось, приближаясь к костру, и боговерец осознавал, что ему сегодня ночью не удастся поспать, в принципе, как и вчера, и позавчера…

- Петр, топор держи сегодня поближе, - чуть ли не шепотом произнес Емельян.

- Да он всегда при мне, - не подавая вида, ответил Петр: - Много их?

- Много.

- Эх-хе-хе-х, фронтовых бы стописят, - Петр улыбнулся: - Это я к слову, рефлекс.

- Не оправдывайся, я бы тоже не отказался, веселее было бы биться.

- Других предупредим?

- Нет, пусть хоть чуть поспят, да и толку от них.

- А от меня больше? – вопросительный взгляд Петра прервал беседу бабушки и внучки неподалеку.

- В тебе веры много, а верующий человек сильнее неверующего.

- Так я в бога не верю.

- Веришь, просто твой бог иной.

- А твой бог какой?

- Хм, ты хочешь спросить про христианского или моего?

- Твоего, знаешь, я умею различать православных от остальных, в тебе столько же православия, сколько во мне, хотя мы оба крещенные.

- Ну я Библию чуть ли не наизусть знаю.

- А я нет, но все же, ты не похож на верующего во Христа, извини, если оскорбил.

- Нисколько…, - Емеля улыбнулся, глядя в пламя: - Знаешь, я верую, веровал в Всевышнего, описанного в Библии, молился и ставил свечки, даже ходил на службы, пока мог. А потом перестал, да вообще не двигался, хотя те, кто ходил меньше меня и только в праздники называет себя верующим, да по любому поводу, хотя ни заветов, ни постов не соблюдал, да и в церковь не ходил, нисколько не пострадал, а меня парализовало. Вот и стал я думать, правильно ли верую, хотя знаю душою, что есть то самое, что создало нас и все вокруг. Вот и стал я думать.- И что надумал?

- Бог есть, только мой Бог не тот, что в эфемерных небесах живет, мой бог под нами, мы на нем стоим, мы им кормимся, мы из него приходим и в него уходим. Мой Бог – Земля, она живая, она создала нас, она позволяет нам жить, и как та собака, что терпит блох до последнего, когда уже невмоготу от зуда, тряханет, зубами пройдется и почистит свое тело от нас грешных. Планета живая, а мы не чтим ее, вгрызаясь в ее плоть, нещадно изничтожая все, до чего добираемся, а надо на нее молиться.

- А почему в Всевышнего перестал веровать?

- Просто, если бы он был, то за все наши деяния давно бы отправил своих Архангелов, дабы очистить землю от скверны, как написано в писаниях.

- А чего тогда крестишься?

- Привычка, да и выдумывать что-то другое смысл, это всего лишь жест, а обряды и ритуалы в разных религиях заимствованы из других.

- Понятно. А мне во что веровать?

- Это тебе решать, хоть в Бога, хоть в Черта, хоть в самого себя или макаронного монстра, но главное, что вера должна быть, ибо человек без веры слаб духом и телом.

- Хм, тебе бы в церкви проповеди читать.

- А меня и здесь не плохо кормят, - Емеля улыбнулся.

- Это да.

- Тихо… идут, - Емельян встал, развернулся и пошел на вершину склона, доставая свой меч, беря тот в правую руку, а левая осталась свободной.

Петр встал следом и пошел за ним, а слушавшая их Катя сильнее прижалась к бабушке, принявшей гладить ребенка по волосам и шепотом приговаривать той что-то, успокаивая. Остальные, обратив внимание, тоже напряглись, притихая и внимательно следя за поднявшимися по склону.

Емельян смотрел в темноту ночи, не отводя взгляда, подошедший Петр посмотрел в ту же сторону и ничего не увидел, лишь мрак ночи, отчего-то не освещаемой Лунами, наверное, из-за плотных облаков, застеливших небо.

- Приготовься, - произнес Емеля: - Встань чуть позади меня, чтобы твари агрились на меня.

- Я понял только «встань чуть позади меня», - ответил Петр, становясь позади.

- Самое главное, - в голосе Емельяна почувствовалась улыбка, но осталось напряжение: - Идут!

Из мрака что-то прыгнуло, и короткий одноручный меч рассек темноту, на мгновение засияв светом, осветившим темную тушу твари. Второй удар добил ту, упавшую под ноги боговерца и принявшуюся истлевать. Системные сообщения группы отрапортовали о получении нескольких очков опыта за убийство Гончей Смерти. Очередной росчерк сверкнувшего меча вновь высек из мрака очередную тварь, левая рука Емели вдруг осветилась, материализуя призрачный щит, источающий белесый свет.

Очередная атака встретила удар меча, и щит еще сильнее материализовался, уплотняя свое призрачное тело. Петр лишь наблюдал, но его руки все крепче и крепче сжимали топорище, а внутри разгоралась искорка веры, правильно ему сказали, надо веровать, хоть в кого, без веры нельзя, без веры ты сломлен. Веруй, и силы не покинут тебя.

Меч не успел, а вот топор ударил вовремя, рассекая череп, слабое оружие, но крепкая рука, хоть и низкоуровневого игрока, сделали свое дело, нанеся критический удар, топор прошел сквозь голову твари, принуждая тело упасть перед ногами Петра.

- Молодец, встань справа и держись, - произнес Емеля, выставляя призрачный белесый щит вперед и ударяя из-под него очередную тварь, ударившую по заслону четырьмя лапами: - Так и бей.

- Понял, - ответил Петр, делая шаг в сторону и прищуриваясь, интуитивно думая, что так лучше распознает угрозу, но тело среагировало само, руки махнули топором с боку, сбивая полет твари, шаг и удар, будто бы полено рубишь, и череп располовинело, выпуская мерзопакостную жижу.

- Это еще мелкие, сейчас крупнее пойдут, - произнес Емеля.

- Крупные? А эти мелкие? – опешил Петр.

- Не бойся, дальше будет страшнее, испугаться успеется, - ухмыльнулся боговерец, упираясь ногой и выставляя щит перед собой: - Замри!

Удар массивной туши принудил щит замерцать, но тот выдержал, Емельян также выстоял, принявшись тут же работать засиявшим мечом, освещающим окрестность в паре метров, что позволило Петру разглядеть прилетевшую тварь.

Нечто, походящее на борова, но с массивными когтистыми лапами и утыканную острыми зубами пастью пыталось зацепить Емельяна, превращающего морду твари в опытный образец тренировки неумелого мясника. Петр, казалось, простоял в оцепенении пару секунд, после чего машинально сделал шаг, занося топор и с замаха ударяя прямо по горбу монстра. Обычный топор дровосека ушел наполовину и застрял, а тварь будто бы тот не почувствовала, но вроде бы замедлила, или же это из-за ран Емельяна, превратившего морду твари в мешанину, но та все же упала, принявшись истлевать, высвободив топор.

Следующая такая же не заставила себя ждать, но Петр бил уже увереннее, целясь по лапам, точнее, многочисленным суставам, подсекая и заваливая массивную тушу, Емельян не заставил себя ждать, вспарывая податливое брюхо.

- Хорошо, ловим следующих.

- Много их?

- На нас хватит.

- Замечательно, а то я уже скучать начал.

Емеля ухмыльнулся, встречая очередную тварь, Петр вновь принялся калечить монстра, ускоряя процесс, а руки уже крепче держали топор, покрывшийся чернотой, да и сам он выглядел не лучше, как и Емеля, но сейчас было не до чистоплотности. Ведь отвлекаться никак нельзя, потому как если сметут их, то остальным, сейчас смирно сидевшим у костра и боязливо поглядывавшим на суету сверху, жить останется не долго. И пусть смерть виртуальная, но умирать не хотелось, тем более, не понятно, куда перенесет при возрождении, а они уже почти что у самой цели.

- Так, а вот теперь бойся! – с некой обреченностью произнес Емельян, напрягаясь всем телом: - Сразу три прошли.

- Большие?

- Ну, прежних можешь считать маленькими.

- Твою мать! – выругался Петр, машинально сплевывая в сторону и перехватывая перепачканный топор.

- Мою не надо, а вот их можно, … идут! – Емельян стиснул зубы, но через мгновение его глаза округлились, а тело расслабилось.

- Что такое? – произнес Петр, глядя на глядящего вперед ошеломленного Емелю.

- Ты что не видишь?

- Нет.

- Так, зайди в список умений, зашел? Да просто подумай об этом.

- Есть.

- Видишь доступные умения??

- Да.

- Зоркость доступна?

- Да.

- Кликни на него.

- Ох епа!!! – теперь Петр смотрел ошеломленно, когда мрак ночи расступился, открывая ночной мир в более приглядной серости.

Три огромные твари пытались вцепиться в нечто слишком быстрое, мечущееся вокруг них, оставляя глубокие раны, из которых тут же принималось исходить темное колыхание. Не прошло нескольких секунд, как первая туша завалилась, испуская коптящий дым и истлевая, за ней последовали вторая и вскоре третья. Только после этого что-то слишком быстрое остановилось и взглянуло на наблюдавших.

Фантом, источающий черное колыхание, со смазанными чертами, стоял безмолвно, не отводя взгляда от них, его массивные когтистые лапы держали два змеевидных меча, голова напоминала волчью, да и тело не было человеческим, хотя, не разобрать. С каждым мгновением, силуэт расплывался, истаивая в предрассветном бытии, будто бы песчаная статуя

раздувается резким ветром. Мгновение, и на месте фантома не осталось ничего, лишь тяжелый туман заполнял собой прибрежье небольшого ручейка, скрывая место недавнего сражения.

- Кто это был? – осторожно спросил Петр.

- Хозяин земель, - ответил Емельян: - Его темная суть.

- Теперь я точно знаю, во что верить.

- Это хорошо, без веры никуда. Ну что, рассвет, пора в дорогу, - Емеля улыбнулся: - Хорошо поспали.

- Да уж, чтоб теща моя так спала.

- Добрый ты.

- В доброте и живем, да добра всем желаем, ибо мы люди не злобные.

- Я так и понял, - Емельян улыбнулся, пряча меч и оборачиваясь к так и сидевшим возле почти истлевшего костра людям: - Ну что в дорогу?

Напряженные взгляды не отводились от спускающихся героев, покрытых черной зловонной слизью, шибающей своим запахом, наверное, за версту.

- Емельян, Петр, - не выдержала баба Нюра: - Может, вам лучше в ручье покупаться, а мы подождем, пока уху сварим, а то, небось подустали, сил набраться не помешает.

- И то дело, Петр, искупаемся?

- Я за, мне сейчас ледяная водичка за горячую сойдет. Вы только наберите воды заранее, а то потом придется отходить выше по ручью.

- Сейчас наберем, купайтесь, голубчики, не торопитесь, мы подождем, сколько надо.

Междуглавие

Холодный проливной дождь заливал улицу, превращая в нескончаемый поток воды, сильные порывы штормового ветра заставляли деревья сгибаться, еще держащиеся куски металлопрофиля панически биться обо все, до чего дотягивался лист. Обезлюдивший квартал походил больше на город призрак, нежели спальный район, и лишь редкие огоньки фонарей и свечек в окнах домов сигнализировали, что дома не были покинуты, а люди пытались укрыться

от ненастья дома, надеясь, что родные стены выдержат, а порывистый ветер не разобьет стеклопакеты. Но не всем везло: оторванный рекламный щит, подбрасываемый ветром, влетел в окно седьмого этажа, лязг разбивающегося стекла поглотили завывания ненастья, а хозяину, видимо, теперь придется не сладко, ведь стихия принялась во всю гулять у него в квартире.

Кое-где припаркованные машины выглядели очень плачевно, угодив под стволы поваленных деревьев и даже столбы электросетей. Ремонтным службам будет не сладко от сотен исков на возмещение ущерба, хотя, в первый раз что ли?

Одинокие шлепающие шаги заглушало творящееся вокруг бедствие, но идущая по темной улице, утопающей в потоках воды, женщина нисколько не удивлялась творящемуся вокруг. Напротив, ее отрешенность и безразличный взгляд в купе с легкой промокшей одеждой показывали, что: либо она была бесстрашной и игнорировала ненастье, либо была безумной. Женщина не замечала бьющего в лицо проливного дождя, игнорировала сильные порывы, не обращала внимание на утопающие по щиколотку в ледяной воде ноги. Она лишь целенаправленно шла вперед, глядя лишь в одну точку и не выражая никаких эмоций. Посиневшая кожа, мешки под глазами, осунувшаяся осанка, слипшиеся по самые плечи черные волосы, промокшая насквозь одежда и сжимаемой в правой руке кухонный нож с почти смывшейся кровью, вот так бы ее описали те, кто повстречал бы странную женщину, но в это ненастье на улице была лишь она.

http://tl.rulate.ru/book/28868/1257142